

УДК 37.018.56 (477.75) «18/194»

**Шушара Т.В.,
Вишневский В.А.**

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ КРЫМА (КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)

Ключевые слова: Крым, конфессии, учебные заведения, конфессиональные учебные заведения.

В современной историко-педагогической науке усиливается интерес к ретроспективному изучению культурно-образовательного опыта многочисленных национальных этносов и их учебно-воспитательных учреждений, что дает возможность комплексно и системно определить тенденции развития педагогических императивов России в соотношении с мировым педагогическим процессом (Zorina et al., 2016). В частности, речь идет о педагогическом опыте конфессиональных учебных заведений полиэтнического региона Крым, где на протяжении XIX – первой половины XX в. была сформирована целостная система этнического образования и воспитания.

Ретроспективный анализ истории конфессионального образования на региональном уровне способствует более глубокому освещению сложных и неоднозначных задач, стоящих перед обществом в связи с усилением роли религии в обучении и воспитании подрастающего поколения.

Вопросы развития и структуры конфессионального образования в Крыму указанного периода раскрыты в исследованиях М. Абдуллаевой, Э. Аблаева, Ф. Андриевского, И. Ачкинази, В. Ганкевича, И. Гаспринского, М. Дреермана, А. Дьяконова, Т. Кари-Ниязова, С. Кащенко, А. Кричинского, А. Крымского, А. Непомнящего, Д. Прохорова, А. Самойловича, М. Хайрудинова, С. Шуклиной и др. Учеными установлены факты и положения отдельных вопросов образования национальных меньшинств в Крыму. Одновременно в указанных исследованиях не рассматривалась специфика деятельности конфессиональных учебных заведений на региональном уровне в указанный период, также не определена возможность использования их опыта в контексте культурного и социально-экономического развития полуострова.

В процессе исследования были использованы следующие методы: теоретический – поисково-библиографический метод изучения архивных фондов и печатных источников по исследуемой проблеме, который дает возможность установить временные и пространственные границы научного исследования; общенаучные – исторический анализ, систематизация и классификация педагогической, научно-методической, историко-краеведческой литературы, законодательных и нормативных документов, архивных фондов, документации учебных заведений на территории Крымского полуострова (XIX – начало XX в.); конструктивно-генетический – освещение социально-политических, социально-экономических, культурно-национальных предпосылок развития ремесленного образования на территории Крымского полуострова в изучаемый период; историко-ретроспективный; историко-педагогический метод – анализ фактов и явлений, их синтез; системный метод, необходимый для выяснения исходных параметров цели, задач, результатов обобщения и формулирования выводов.

В Крыму в XIX в. проживало, согласно переписи населения 1867 г., более 130 национальностей, которые преимущественно исповедовали христианство, ислам и иудаизм.

Подавляющее большинство населения Крыма в XIX в. относилось к одной из трех религий (Караимский Перикл..., 1911):

- христианство – армяне, греки, болгары, немцы, украинцы, русские;
- ислам – кипчаки, крымские татары;
- иудаизм – крымчаки, евреи, караимы.

По архивным данным, в конце XIX в. у каждой конфессии имелись свои религиозные учебные заведения (Пра-

вила о начальных училищах... РГИА. Ф. 733. Оп. 227. Д. 114. Л. 97).

Христианские начальные учебные заведения разных типов и направлений включали:

- православные – духовная семинария, епархиальное училище, церковноприходские школы, воскресные школы и школы грамоты – эти учебные заведения были созданы для православных христиан;
- католические – римско-католические приходские училища, армяно-католические начальные приходские училища;
- протестантские – евангельско-лютеранские училища, менонитские учебные заведения;
- древневосточные – армяно-григорианские церковноприходские школы;
- старообрядческие начальные учебные заведения.

Первой духовной консисторией Русской православной церкви Крыма была Феодосийская. Она была организована для управления делами православных верующих, в том числе и для организации учебных заведений. С 1860 г. начала функционировать Таврическая духовная консистория, которая совместно с Министерством народного просвещения целенаправленно занималась образовательной деятельностью. В ее состав, кроме правящего архиерея, входили настоятели монастырей, несколько протоиереев и секретарь. Кроме этого, в штат данной структуры входили столоначальники, казначей, регистратор, архивариус и писари. Им вменялась в обязанность организация начального обучения в Крыму (Сведения..., ГААРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 408. Л. 73–80).

В начале 70-х гг. XIX в. в Крыму функционировало 289 церквей и молитвенных домов, а именно в Феодосии

досии, Ялте, Севастополе, Бахчисарае и Евпатории. При каждом соборе, монастыре в этих городах действовали начальные школы. В штате Таврической епархии насчитывались 763 священника и церковнослужителя (Fokin et al., 2016).

В Крыму в 1873 г. по указанию императора Александра II действовала Таврическая духовная семинария по обеспечению духовно-образовательных потребностей православных верующих, а главное, она готовила кадры православного духовенства.

Иудейские начальные учебные заведения были разных типов и направлений:

- караимские религиозные учебные заведения – мидраши (начальная караимская школа);
- еврейские религиозные учебные заведения – хедеры и талмуд-торы (начальная еврейская школа для обучения мальчиков основам иудаизма).

Мидраши – начальная караимская школа, составлявшая основу традиционной системы караимского народного образования. По традиции в караимский мидраш, финансирующийся на средства караимских общин, дети поступали в возрасте 5–6 лет. Воспитанники обучались чтению на древнееврейском языке и переводу на караимский язык «Микра» (Пятикнижие). Юноши, окончившие мидраш, получали звание «реби» для занятия учительской или духовной должности в караимских начальных школах (Maximova et al., 2016).

Как утверждает И. Казас, в XIX в. в Крыму находился духовный центр караимов и иудеев. В этот период существовали Таврическое и Одесское караимские духовные правления, которые осуществляли образовательную деятельность. Все учебные заведения

находились при культовых помещениях. Так, до 1911 г. молитвенный дом караимов называли синагогой. В 1911 г. в связи с ходатайством гахама С. Панпулова караимские «синагоги» переименовали в «кенасы». Караимское духовенство состояло из двух основных категорий: гахам – духовный глава караимов; газзан – караимский священнослужитель (Казас, 1869).

Высшим духовным лицом караимов Крыма считался гахам. Его резиденция традиционно находилась в Евпатории. В случае необходимости место гахама мог занимать один из старших газзанов. Обычно газзаны были старшими и младшими и имели право возглавлять общие молитвы и выполнять духовные обряды. Кроме этого, старшие газзаны давали имена, утверждали и отменяли браки и вели метрические книги. В обязанности габбая входило обучение основам вероучения детей, управление хозяйственными и финансовыми делами молитвенных домов. В 1836 г. гахам Хаджи-Ага-Сима Бобович призвал соплеменников построить в Евпатории большую школу на 400 учащихся, где, кроме богослужения, будут преподаваться светские науки и ремесла, направленные на сохранение веры, культуры, национального «Я» караимского народа.

Что касается еврейских учебных заведений, то, как утверждает А. Гаркави, в XIX в. в Крыму абсолютное большинство еврейских детей получало традиционное еврейское образование в хедерах и талмуд-торах (Гаркави, 1877). Еврейские дети обучались в еврейских школах, которые носили сугубо религиозный характер, они получали элементарное образование, а также религиозно-моральное воспитание.

В талмуд-торах обучались сироты и мальчики из неимущих семей, в то

время как дети более состоятельных родителей посещали хедеры. Талмуд-торы до 80-х гг. XIX в. представляли собой бесплатные учебные заведения, которые возглавлял старейшина еврейской общины. Хедер – частная школа, в которой работа учителя (ребе или меламед (идиш), меламмед (иврит)) оплачивалась родителями (Кравцова, 1997).

Хедеры, как и мидраши, располагались в синагоге или на дому у меламеда (учитель в хедере и караимском мидраше). Раввин выполнял функции меламеда. Синагога являлась молитвенным домом, школой изучения иудаизма (верующие называли синагогу «шул» – на идиш «школа») и местом собрания общины. Создавались обозначенные учебные заведения на средства еврейских общин или частных лиц (в последнем случае порядок их деятельности определялся Положением про частные еврейские училища от 1844 г.). К преподаванию допускались раввины, пользовавшиеся уважением общины, или меламеды со стороны (Воспоминания жителей..., 2004). Согласно учебному плану в хедерах и талмуд-торах изучались такие предметы, как чтение и письмо на иврите, закон веры, арифметика, русский язык и письмо.

Программа предмета «Закон веры» предусматривала чтение и объяснение коротких молитв с переводом их на русский язык и изучение библейской истории в рассказах (Абдулаева, 2001).

Отношение к деятельности хедеров, талмуд-тор со стороны самих еврейских общин было неоднозначным, что было вызвано наличием в них представителей ортодоксального и реформированного иудаизма. Центральное место в религиозной концепции ортодоксального иудаизма занимает Галаха – учение, регламентирующее религиозную, семейную и граждан-

скую жизнь евреев. Ортодоксальный иудаизм сложился в первой половине XIX в. как реакция на возникновение реформизма в иудаизме. Партия реформированного иудаизма стремилась к сближению с русским народом, выступала против обучения детей в талмуд-торах и приветствовала открытие светских школ. Российское правительство, безусловно, поддерживало создание таких учебных заведений, ограничивая деятельность талмуд-тор и хедеров (там же).

Исламские учебные заведения включали:

- мектебе (начальная школа);
- мектебе-рушдие (средняя);
- медресе (высшая школа).

23 января 1794 г. императрица Екатерина II подписала указ, где утверждалась должность муфтия Крыма, в функции которого входило:

- открытие и закрытие мечетей;
- открытие мусульманских учебных заведений;
- контроль за движимым и недвижимым имуществом мечетей, медресе и мектебе;
- назначение мусульманского парафиального духовенства;
- надзор за соблюдением мусульманами норм шариата.

Некоторые конфессиональные учебные заведения открывались с миссионерской целью. Причем в них обучались не только крымскотатарские дети, но и дети разных этнических групп. Так, в Зынджырлы-медресе учились цыгане. Это учебное заведение было расположено в «слободке цыганки» – парафии Салачик г. Бахчисарая. Языками преподавания в нем были русский (в том числе и церковнославянский), греческий, немецкий, идиш и иврит, крымскотатарский (вместе с арабским и персидским), польский, немецкий, армянский (Отчет..., 1899).

По данным государственного архива Крыма, конфессиональное образование в XIX в. осуществлялось на достаточно высоком уровне и удовлетворяло запросы разных конфессий на территории Крыма в исследуемый период. Так, к 1882 г. начальных национальных школ было всего 930. Из них (Отчет..., 1897):

- русских школ – 340;
- русских старообрядческих молоканских – 6;
- болгарских христианско-православных – 30;
- греческих христианско-православных – 8;
- крымскотатарских мусульманских – 314;
- немецких протестантских и католических – 186;
- еврейских иудаистских школ – 31;
- караимских иудаистских – 7;
- армянских григорианских и католических – 5;
- чешских протестантских – 2;
- польско-литовских католических – 2;
- эстонских протестантских – 1.

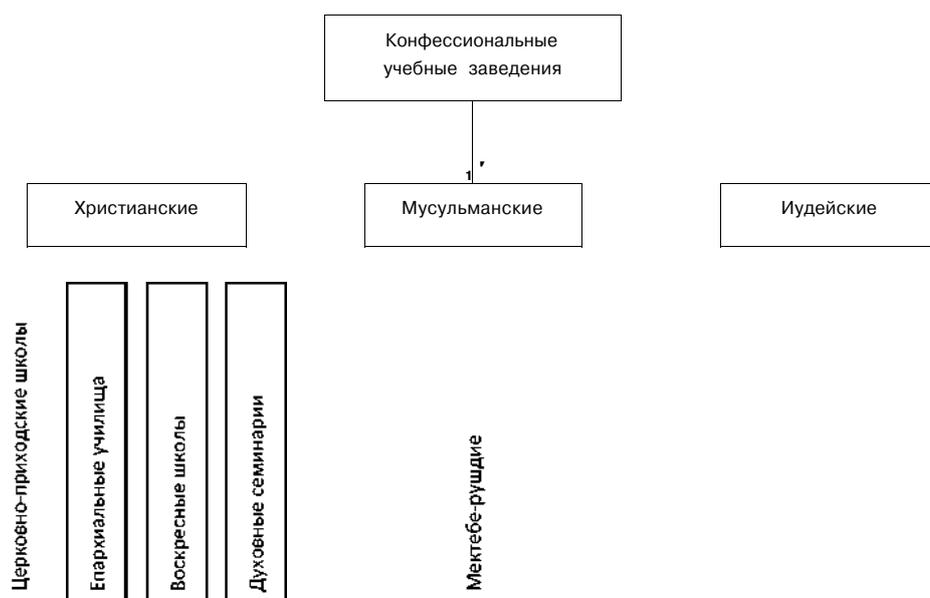
Типы конфессиональных учебных заведений Крыма XIX – первой половины XX в. приведены на рисунке.

Вышеперечисленные учебные заведения можно разделить также по этническому и языковому принципу.

Среди них выделяются учебные заведения следующих этнических и родственных языковых групп.

Учебные заведения для восточнославянских (русского, украинского и белорусского) народов.

Обучение шло на русском языке. Основным предметом во всех существующих типах школ был Закон Божий (Kaparsh, 2011). Программа Закона Божьего утверждалась Министерством народного просвещения. Преподавателями Закона Божьего в церковно-приходских школах могли быть представители духовенства либо учителя с педагогическим образованием, но подчинявшиеся главе прихода. Оплата работы преподавателя Закона Божьего осуществлялась за счет родителей или религиозных общин; в исключительных случаях, за их недостаточностью, выделялись деньги из

Типы конфессиональных учебных заведений Крыма XIX – первой половины XX в.

специальных фондов учебного заведения (Говоров, 1886).

Учебные заведения тюркоязычных народов (крымских татар, караимов, крымчаков). Конфессиональные учебные заведения открывались духовенством:

- крымских татар при мечетях;
- караимов при кенасах или мечетях.

В учебных заведениях дети крымских татар, караимов, крымчаков получали начальное образование на русском языке, но основы религии преподавались на татарском или еврейском (родном) языке, также вводился курс обязательного обучения родному языку. Преподавателями в этих учебных заведениях были священнослужители, члены их семей и лица, окончившие медресе. Женщины не имели права обучать мальчиков, а неженатый мужчина не мог преподавать у девочек (Памятная книжка..., 1889).

Конфессиональное образование получало преимущественно мужское население караимов. Как отмечает И. Гаспринский, численность крымско-татарских конфессиональных учебных заведений в конце XIX в. выросла втрое:

- в 1881 г. школ было 190 (с 3722 учениками);
- в 1893 г. их уже было больше – 500 (с 13 600 учениками) (Григорьянц, 1998).

Учебные заведения немецкой языковой группы (немцы и австрийские менониты). В 1840 г. министром внутренних дел был предложен порядок деятельности школ, организованных для немецких детей, который определялся на основе документа «Правила для Евангельско-лютеранских церковных училищ в губерниях». В этих учебных заведениях дети лютеран должны были обязательно изучать русское чтение и письмо. Только к концу XIX в.

в немногих школах преподавался русский язык наравне с немецким языком

и Законом Божиим. Греческие церковно-приходские школы отличались тем, что традиционно открывались при греческих церквях, которые были центрами духовно-религиозной жизни этноконфессиональных общин. Традиционным для греков было то, что большинство образовательных учреждений были приходскими и финансировались общинами или отдельными лицами, а позже, т.е. со второй половины XIX – начала XX в., они получали финансовую поддержку от государства, Епархиального училищного совета и земства. Эти школы являлись церковно-приходскими школами Таврической епархии и входили в состав Одесского учебного округа, а подчинялись Дирекции народных училищ. Церковно-приходские школы способствовали национально-культурного духовному возрождению народа (Манучарян, 1995).

Армяно-григорианские и армяно-католические школы с родным языком обучения также были церковно-приходскими и функционировали почти при всех армянских поселениях Крыма (Ivanova et al., 2016).

Данные государственного архива Крыма свидетельствуют о том, что еще в начале XIV в. усилиями архимандритов Аветика и Петроса успешно действовали духовные семинарии при монастырях Кимчак (на окраине Сурхата) и Кизилташ (близ села Щебетовка), куда учиться приезжали даже из Армении. В XV в. прославилась духовная семинария при монастыре Святого Антона в Кафе (Мурзакевич, 1837).

В начале XIX в. армянская школа из ведения духовенства переходит в руки приходских общин. Начальное образо-

вание переводится на почву современной европейской педагогики. Обучение в армянских школах ведется на родном языке, однако внимание уделяется и изучению русского языка, истории и географии Армении и России.

Главной целью армянской церковно-приходской школы было обучение армянских детей основам грамотности и одновременно, как это подтверждалось уставом, подготовка кадров для епархиальных школ. Обучение велось на протяжении двух-трех лет, однако, если была материальная возможность, можно было продлить обучение еще на один-два года.

В армянских церковно-приходских школах изучали: Закон Божий, чистописание, армянский и русский языки, пение, арифметику. Несмотря на то, что с 1897 г. армянские церковно-приходские школы перешли в ведение Министерства народного просвещения, они по-прежнему содержались на средства прихожан, церковные пожертвования (ЦГИА РА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 119. Л. 82–85).

Учебные заведения болгарской языковой группы. По данным переписи населения 1889 г., крымские болгары составляли 3,5% населения Крыма. Начальное образование в болгарских селах Крыма было представлено школами трех типов в зависимости от источника финансирования:

- общественными;
- земскими;
- церковно-приходскими.

Как отмечает С. Кашченко, в середине 1870-х гг. произошло увеличение количества школ для болгарских детей в связи с возникновением крупных колоний в Судаке, Коктебеле, Сарабузе (Гвардейском), в степном Крыму. До 1874 г. у крымских болгар преобладали общественные конфессиональные школы. Они содержались исключи-

тельно за счет болгарской религиозно-национальной общины, которая самостоятельно решала проблемы обустройства помещения, поиска учителя, оплаты его работы.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно выделить существенные отличия конфессиональных учебных заведений (Дьяконов, 1890):

1. В православных русских школах для украинцев, русских, белорусов, болгар и греков обучение велось на русском языке, также изучался церковнославянский язык. В греческих школах, кроме церковно-славянского и русского языков, обязательно изучался и греческий язык, количество часов русского и греческого языков уравнивалось.

2. В тюркоязычных крымскотатарских, караимских и крымчакских конфессиональных учебных заведениях обучение велось на крымскотатарском и еврейском языках. В крымскотатарских школах для исповедующих ислам обязательно изучались религиозные языки – арабский и турецкий. В караимских и крымчакских конфессиональных школах обучение шло также на родных языках, однако обязательно изучался и религиозный древнееврейский язык. Необходимо отметить, что из вышеназванных школ первыми начали изучать русский язык в караимских конфессиональных школах. Благодаря новому звуковому методу обучения языку И. Гаспринского изучение русского ввели и в татарских школах. И только в начале XX в. крымчаки стали изучать русский язык.

3. Еврейские школы отличались от караимских и крымчакских школ тем, что, кроме изучения обязательного религиозного древнееврейского языка, они изучали наравне с русским языком родной идиш.

4. В немецких школах (немецких, чешских, эстонских, польско-литов-

ских), кроме изучения родного и русского языков, было обязательно изучение церковного латинского языка.

5. В армянских школах обучение шло на армянском языке; в зависимости от вероисповедания – армяно-григорианского или армяно-католического – обязательным языком изучения был русский или латинский язык.

По данным Государственного архива Республики Крым, к концу XIX – началу XX в. тенденция увеличения количества этноконфессиональных учебных заведений в Крыму сохранилась (Кучерганская, 1997).

В конце XIX в. в Крыму существовали конфессиональные учебные заведения (Verson, 2011):

- в 1881 г. – 174 школы с 8500 учениками;
- 1893 г. – уже 254 школы с 9500 учениками.

За всеми типами конфессиональных учебных заведений осуществлялся контроль (Birdsall, 2013):

- Министерством народного просвещения;
- Департаментом духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел;
- Русской православной церковью;
- Ведомством уделов и Министерством государственных имуществ, губернским и уездными земствами;
- общественными, частными и другими ведомствами, организациями и структурами.

По утверждению Ю. Ганкевича и А. Дьяконова, в этноконфессиональных учебных заведениях учитывалась социально-классовая принадлежность, возрастные и половые отличия в среде учащихся (Cumming, 2013).

Следует отметить, что религиозные организации Крыма были достаточно разветвленными и удовлетворяли духовные потребности верующих. Парал-

лельное и самостоятельное функционирование этих структур обеспечивало этноконфессиональную стабильность региона.

Итак, на рубеже XIX – первой половины XX в. в Крыму существовала достаточно разветвленная, но не унифицированная и не централизованная система конфессиональных учебных заведений. Школы, которые содержались на средства этноконфессиональных общин, были многоэтническими. Это было вызвано рядом причин (Fisk, 2005):

- отсутствием учебных заведений для отдельной народности в данной местности;
- нехваткой учебной литературы для конкретной национальности;
- недостаточным количеством преподавателей для конфессиональных учебных заведений.

На начало XX в. тенденция роста количества этноконфессиональных учебных заведений Крыма сохранилась. Наиболее наглядно это видно на примере национально-религиозных школ неправославного населения региона:

1. Учебных заведений национальных меньшинств было 295, среди которых: школ грамоты – 51; начальных – 239; российско-немецких центральных – 5 (Mendivil, 2002).

2. Крымскотатарских конфессиональных учебных заведений было уже 535: мектебе и медресе в подчинении Департаменту духовных дел насчитывалось 505; городских и сельских в подчинении Министерству народного просвещения – 21; школ грамоты – 4; пятничных школ для взрослых – 2; вечерних школ для взрослых – 3.

3. Караимских учебных заведений было всего 15: мидраши – 10; субботний вечерний класс для взрослых караимок – 1; частные женские школы III разряда – 3; частная смешанная школа – 1.

4. Еврейских учебных заведений было: одноклассных – 4; талмуд-торы – 7; частных школ III разряда – 30 (14 мужских и 16 женских); субботних вечерних школ для взрослых 8 (4 мужских и 4 женских); хедеров – 116.

5. Армянских (григорианских и католических) – 10 (Mokeyeva, Andreeva, 2016).

В начале XX в. этноконфессиональные учебные заведения существовали в разных населенных пунктах Крыма. В Симферополе функционировали: Симферопольская духовная семинария, Симферопольское духовное училище, Таврическое епархиальное женское училище, сеть церковно-парафиальных школ, Симферопольское евангельско-лютеранское училище, армяно-католическое училище, римокатолическая парафиальная школа, армяно-григорианская церковно-приходская школа, Симферопольская татарская учительская школа и семинария, русско-татарское министерское училище, крымскотатарское медресе Симферопольского мусульманского благотворительного общества, крымскотатарское медресе парафии Аджи Сеит Нафе, бесплатное женское профессиональное еврейское училище Х.М. Коган, Симферопольское еврейское начальное училище, училище II разряда Д.М. Коган и детский сад, бесплатное училище при молитвенном доме «Нер-томид».

В Бахчисарае типы учебных заведений также были разнообразными: традиционные крымскотатарские мектебе, три медресе, 2-классное городское церковно-приходское училище, караимское министерское училище, частное еврейское училище, российско-татарское министерское училище, церковнопарафиальное училище, земское татарское училище, караимское министерское училище.

В Карасубазаре в начале XX в. функционировали: мектебе, медресе, армяно-григорианское церковно-приходское училище, крымчацкое училище талмуд-тора.

В Джанкое работали следующие конфессиональные учебные заведения: церковно-приходская школа, 2-классная церковно-приходская школа, в которой один учитель обучал 33 ученика.

В Ялте конфессиональные учебные заведения конца XIX – первой половины XX в. были представлены следующими типами: церковно-приходской школой при соборе Александра Невского, армяно-церковно-приходской школой, церковно-приходской школой имени Святой Ольги, крымскотатарским медресе, еврейским хедером (Slavin, 1999).

Состояние конфессиональных учебных заведений Крыма конца XIX – первой половины XX в. отражено в табл. 1.

Численность конфессиональных учебных заведений в указанные годы превышает численность учебных заведений Министерства народного просвещения. Стоит отметить, что наряду с конфессиональными учебными заведениями большое распространение получили национальные учебные заведения.

Что касается уровня грамотности у представителей религиозно-национальных общин Крыма, то, по данным переписи населения 1897 г., наивысший наблюдался у немцев, евреев, чехов, эстонцев. По количеству грамотных представители восточнославянских народов значительно уступали. Внутри этой группы наименьший процент приходился на украинцев, о чем свидетельствует численность учебных заведений и количество учащихся в них (табл. 2).

Таблица 1

Численность учебных заведений Крыма по годам и ведомствам

Ведомство	До 1871 г.	1871–1880 гг.	1881–1890 гг.	1891–1900 гг.	1901–1903 гг.	Итого
1. Министерство народного просвещения	–	5	5	3	–	13
2. Частные	–	2	3	7	9	21
Национальные:						
татарские	1	8	2	12	6	29
еврейские	3	–	3	11	9	26
немецкие	114	33	46	45	12	211
Других национальностей	5	3	3	5	1	17
Конфессиональные:						
церковно-приходские	7	5	86	158	14	270
школы грамоты	–	–	5	131	36	172

Таблица 2

Численность учебных заведений и учащихся Симферополя в конце XIX века

Название учебного заведения	Число учебных заведений	Количество учащихся	
		мужского пола	женского пола
Гимназия мужская	1	285	–
Гимназия женская	1	–	430
Реальное училище частное	1	70	–
Духовная семинария	1	107	–
Образцовая церковно-приходская школа	1	90	–
Духовное училище	1	175	–
Епархиальное женское училище	1	–	100
Церковно-приходская школа	7	206	199
Татарская учительская школа	1	89	–
Городское училище (положение 1872 г.)	1	120	–
Училища для детей не христиан:			
татарское городское	1	19	–
караимское городское	1	27	–
воскресная школа	1	–	6
частные учебные заведения	5	137	44
Еврейские училища:			
одноклассные начальные	1	56	–
частные	4	47	4
общественные талмуд-торы	2	131	–
хедеры, содержимые меламедами	2	20	–
Итого	33	1479	885

Итак, в Симферополе в конце XIX в. функционировали учебные заведения разных типов, в том числе и конфессиональные. Данные учебные заведения давали не только начальное образование, но и высшее. Образование могли

получать и юноши, и девушки – в женских гимназиях, воскресных школах, церковно-приходских школах.

На основании вышеизложенного можно сделать выводы о том, что конфессиональные учебные заведения:

- способствовали формированию национального самосознания;
- способствовали сохранению национального языка, культуры, религии;
- способствовали повышению грамотности среди населения;
- открывались за счет финансирования общины и общественных деятелей, а также местной интеллигенции.

Среди наиболее важных функций, присущих конфессиональным учебным заведениям с учетом их специфики, можно назвать следующие:

- воспроизводство конфессиональных групп, как рядовых верующих, так и священнослужителей, а вследствие этого – и религиозности в целом;
- включение личности посредством религиозного образования и воспитания в состав той или иной конфессиональной группы;
- социализация личности верующего на протяжении всей его жизни;
- формирование и развитие духовно-этической культуры верующих, влияние на культуру нерелигиозных людей, прежде всего на их нравственно-патриотические позиции (Shibankova et al., 2016).

Таким образом, конфессиональные учебные заведения зависели от национально-религиозных потребностей этноса и способствовали сохранению самобытности и национального «Я» каждой народности.

Литература

1. Абдулаева М. Церковно-приходские учебные заведения греков Крыма в конце XVIII – начале XX столетия // Культура народов Причерноморья. 2001. № 22. С. 69–76.
2. Воспоминания жителей еврейских поселений в Крыму / под ред. С. Ривкина, М. Тягло. Симферополь: Максима, 2004.
3. Гаркави А.Я. По вопросу о иудейских древностях, найденных Фирковичем в Крыму // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. Ч. 192, июль. С. 98–121.
4. Говоров Д. Историческая записка о Керченском Кушниковском Девичьем Институте с основания его в 1835 году до 1885 года. Керчь: Скоропечатная типография А.В. Холева, 1886.
5. Григорьянц В. Из истории армянской школы в Крыму // Сурб-хач. 1998. Декабрь. С. 5–8.
6. Дьяконов А.Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1890 г. Бердянск: Типография Килиус, 1891.
7. Казас И.И. Караимы, их обряды и учения // Таврические губернские ведомости. 1869. 5 янв.
8. Караимский Перикл: памяти С.О. Кефели // Караимская жизнь. 1911. Кн. 5/6. С. 112–116.
9. Кравцова Л.П. Обзор документов по истории евреев в фондах Государственного архива Крыма // Евреи Крыма: очерки истории. Симферополь; Иерусалим: Мосты, 1997. С. 102–107.
10. Кучерганская А.В. Роль земств в развитии начального образования в Таврической губернии во 2-й половине XIX века // Культура народов Причерноморья. 1997. № 2. С. 277–279.
11. Манучарян Ш.Г. Возникновение армянских поселений на полуострове // Сквозь века: народы Крыма. Симферополь: Академия гуманитарных наук, 1995. Вып. 1. С. 25–31.
12. Мурзакевич Н.А. Поездка в Крым в 1836 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. Кн. 13. С. 625–691.
13. Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Таврической епархии за 1895–1896 учебный год. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1897.
14. Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Таврической епархии за 1896–1897 учебный год. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1899.
15. Памятная книжка Таврической губернии на 1889 год / под ред. К.И. Вернера. Симферополь: Типография газеты «Крым», 1889.
16. Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России. На основании высочайшего повеления 14 января 1906 года. Утверждены 31 марта 1906 года. Журнал Межведомственного совещания о постановке школьного образования среди нерусского и неправославного («инородческого») населения и переписка с Советом министров об изменении правил 1907 года о начальных школах этого населения // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 227. Д. 114. Л. 97.
17. Сведения о татарском отделении, учрежденном в 1827 г. // Государственный архив Автономной республики Крым (ГААРК). Ф. 100. Оп. 1. Д. 408. Л. 73–80.
18. Центральный государственный архив истории Республики Армения (ЦГИА РА). Ф. 56. Оп. 1. Д. 119. Л. 82–85.

19. *Berson, A.B.*, 2011. European metropolis and multiculturalism: Degree of compatibility. *Contemporary Europe*, 1: 57-70.
20. *Birdsall, S.*, 2013. Reconstructing the relationship between science and education for sustainability: A proposed framework of learning. *The International Journal of Environmental and Science Education*, July 10: 451-478.
21. *Cumming, J.*, 2013. Two issues in educational research: A response to «Reviewing education concerns». *Journal of Hospitality, Leisure, Sport & Tourism Education*, 13: 1-4.
22. *Fisk, M.*, 2005. Multiculturalism and Neoliberalism. *Praxis Filosofica*, 21: 21-28.
23. *Fokin, V. et al.*, 2016. Multiculturalism in the Modern World. *The International Journal of Environmental and Science Education*, 11 (18): 10777-10787.
24. *Ivanova, A.V., N.I. Filippova and E.I. Vinokourova*, 2016. Formation of Intercultural Identity in Children of Northern People in a Multilingual Context/ *The International Journal of Environmental and Science Education*, 11 (17): 9999-10009.
25. *Kanarsh, G.*, 2011. Multiculturalism: social concept and social practices. *Knowledge, understanding and skill*, 1: 87-94.
26. *Maximova, O. et al.*, 2016. Russian education in the context of the third generation universities' discourse: Employers' evaluation. *The International Journal of Environmental and Science Education*, 11 (16): 9101-9112.
27. *Mendivil, I.*, 2002. The new providers of higher education. *Higher Education Policy*, 15: 353-364.
28. *Mokeyeva, E.V. and I.N. Andreeva*, 2016. Civic and Patriotic Education of Pre-School Children. *The International Journal of Environmental and Science Education*, 11 (9): 2223-2236.
29. *Shibankova, LA. et al.*, 2016. Pedagogical Conditions of Interethnic Relations Correction in Educational Environment. *The International Journal of Environmental and Science Education*, 11 (17): 10401-10412.
30. *Slavin, R.*, 1999. Educational research in the 21-st century: Lessons From the 20th. *Issues in education*, 5 (22): 261-266.
31. *Zorina, A.V. et al.*, 2016. Multicultural Education of Multi-Ethnic Students at the Foreign Language Class. *The International Journal of Environmental and Science Education*, 11: 10817-10827.
3. *Garkavi, A.Ya.*, 1877. About Judaic antiquities found by Firkovich in the Crimea. *Journal of the Ministry of National Education*, 192 (July): 98-121. (rus)
4. *Govorov, D.*, 1886. A historical essay about Kerch Kushnikovskiy Maiden Institute from its foundation in 1835 till 1885. Kerch: Printing House of A.V. Kholev. (rus)
5. *Grigoryants, V.*, 1998. From the history of the Armenian school in the Crimea. *Surb-Hach*, December: 5-8. (rus)
6. *Dyakonov, A.N.*, 1891. General outline of the condition of national schools of the Taurian province in 1890. Berdyansk: Kilius Printing House. (rus)
7. *Kazas, I.I.*, 1869. Karaites, their ceremonies and doctrines. *Taurian Provincial Notes*, 5 January. (rus)
8. *Karaite Pericles: S.O. Kefeli's memories*, 1911. *Karaite life*, 5/6: 112-116. (rus)
9. *Kravtsova, LP.*, 1997. The review of documents on history of Jews in funds of the Public Records Office of the Crimea. In: *Jews of the Crimea: historical essays* (pp. 102-107). Simferopol; Jerusalem: Mosty. (rus)
10. *Kucherganskaya, A.V.*, 1997. The role of zemstvos in development of primary education in the Taurian province in the 2nd half of the 19th century. *Culture of the people of the Black Sea Coast*, 2: 277-279. (rus)
11. *Manucharyan, Sh.G.*, 1995. Emergence of the Armenian settlements on the peninsula. In: *Through centuries: people of the Crimea* (Issue 1, pp. 25-31). Simferopol: Academy of the Humanities. (rus)
12. *Murzakevich, N.A.*, 1837. A trip to the Crimea in 1836. *Journal of the Ministry of National Education*, 13: 625-691. (rus)
13. The report on the condition of church schools and schools of the diploma of the Taurian diocese in 1895-1896 academic year, 1897. Simferopol: Taurian provincial printing house. (rus)
14. The report on the condition of church schools and schools of the diploma of the Taurian diocese in 1896-1897 academic year, 1899. Simferopol: Taurian provincial printing house. (rus)
15. *Verner, K.I.* (Ed.), 1889. The memorable book of the Taurian province for 1889. Simferopol: Printing House of the Crimean Newspaper. (rus)
16. Rules about primary schools for foreigners living in the east and southeast of Russia. On the basis of the highest command on January 14, 1906. Are approved on March 31, 1906. The journal of the interdepartmental meeting about statement of school education among the non-Russian and not orthodox ("foreign") population and correspondence with the Council of Ministers about the change of rules about elementary schools of this population in 1907. *Russian Public Historical Records Office*. Found 733. Inventory 227. Case 114: 97. (rus)
17. Data on the Tatar department founded in 1827. *Public Records Office of the Autonomous Repub-*

References

1. *Abdullaeva, M.*, 2001. Church educational institutions of Greeks of the Crimea at the end of XVIII - beginning of the XX century. *Culture of the people of the Black Sea Coast*, 22: 69-76. (rus)
2. *Rivkin, S. and M. Tyagly* (Ed.), 2004. *Memoirs of residents of the Jewish settlements in the Crimea*. Simferopol: Maxima. (rus)

- lic of Crimea. Found 100. Inventory 1. Case 408: 73-80. (rus)
18. Central Public Records Office of history of the Republic of Armenia. Found 56. Inventory 1. Case 119: 82-85. (rus)
 19. *Berson, A.B.*, 2011. European metropolis and multiculturalism: Degree of compatibility. *Contemporary Europe*, 1: 57-70.
 20. *Birdsall, S.*, 2013. Reconstructing the relationship between science and education for sustainability: A proposed framework of learning. *The International Journal of Environmental and Science Education*, July 10: 451-478.
 21. *Cumming, J.*, 2013. Two issues in educational research: A response to «Reviewing education concerns». *Journal of Hospitality, Leisure, Sport & Tourism Education*, 13: 1-4.
 22. *Fisk, M.*, 2005. Multiculturalism and Neoliberalism. *Praxis Filosofica*, 21: 21-28.
 23. *Fokin, V. et al.*, 2016. Multiculturalism in the Modern World. *The International Journal of Environmental and Science Education*, 11 (18): 10777-10787.
 24. *Ivanova, A.V., N.I. Filippova and E.I. Vinokourova*, 2016. Formation of Intercultural Identity in Children of Northern People in a Multilingual Context/ *The International Journal of Environmental and Science Education*, 11 (17): 9999-10009.
 25. *Kanarsh, G.*, 2011. Multiculturalism: social concept and social practices. *Knowledge, understanding and skill*, 1: 87-94.
 26. *Maximova, O. et al.*, 2016. Russian education in the context of the third generation universities' discourse: Employers' evaluation. *The International Journal of Environmental and Science Education*, 11 (16): 9101-9112.
 27. *Mendivil, I.*, 2002. The new providers of higher education. *Higher Education Policy*, 15: 353-364.
 28. *Mokeyeva, E.V. and I.N. Andreeva*, 2016. Civic and Patriotic Education of Pre-School Children. *The International Journal of Environmental and Science Education*, 11 (9): 2223-2236.
 29. *Shibankova, L.A. et al.*, 2016. Pedagogical Conditions of Interethnic Relations Correction in Educational Environment. *The International Journal of Environmental and Science Education*, 11 (17): 10401-10412.
 30. *Slavin, R.*, 1999. Educational research in the 21-st century: Lessons From the 20th. *Issues in education*, 5 (22): 261-266.
 31. *Zorina, A.V. et al.*, 2016. Multicultural Education of Multi-Ethnic Students at the Foreign Language Class. *The International Journal of Environmental and Science Education*, 11: 10817-10827.